Собраніе лучшихъ
русскихъ произведеній.

„Прометей"

М. БАКУНИНЪ

РѢЧИ
НА КОНГРЕССѢ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ.

BAKUNIN. REDEN.

BAKOUNINE. DISCOURS.

БЕРЛИНЪ. Charlottenstr. 2. BERLIN SW.
Изданіе Гуго Штейница. Hugo Steinitz Verlag.
1904. 1904.

Часть 103. Мар 1,50.

„Прометей 49“

М. БАКУНИНЪ.

Рѣчи на конгрессѣ Лиги Мира и Свободы.

„Пров 49“

М. БАКУНИНЪ.

РѢЧИ НА КОНГРЕССѢ

ЛИГИ

МИРА и СВОБОДЫ.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница
Шарлоттенштрассе 2.

„Пров 38“

„Пров 49“

15123.

I.

Вступая на эту трибуну, я спрашиваю себя, граждане, какимъ образомъ я, русскій, являюсь среди этого международнаго собранія, имѣющаго задачей заключить союзъ между народами? Едва четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ русская имперія, которой я, правда, всенепокорнѣйшій падданный, возобновила свои преступленія и убійства надъ геройскою Польшею, которую она продолжаетъ давить и терзать, но которую къ счастью для всего человѣчества, для Европы, для всего славянскаго племени и для самихъ народовъ русскихъ ей не удастся убить.

Вотъ почему, не заботясь о томъ, что подумаютъ и скажутъ люди, судящіе съ точки зрѣнія узкаго и тщеславнаго патріотизма, я, русскій, открыто и рѣшительно протестовалъ и протестую противъ самаго существованія

русской имперіи. Этой имперіи я желаю всѣхъ униженій, всѣхъ пораженій въ убѣжденіи, что ея успѣхи, ея слава были и всегда будутъ прямо противоположны счастью и свободѣ народовъ русскихъ и не русскихъ, ея нынѣшнихъ жертвъ и рабовъ Муравьевъ, вѣшатель и пытатель не только польскихъ, но и демократовъ русскихъ, былъ извергомъ человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ вѣрнымъ, самымъ цѣльнымъ представителемъ морали, цѣлей, интересовъ, вѣкового принципа русской имперіи, самымъ истиннымъ патріотомъ, Сенъ-Жюстомъ, Робеспьеромъ императорскаго государства, основаннаго на систематическомъ отрицаніи всякаго человѣческаго права и всякой свободы.

Въ положеніи, созданномъ для имперіи послѣднимъ польскимъ возстаніемъ ей остаются только два выхода: или пойти по кровавому слѣду Муравьева, или распасться. Середины нѣтъ, а желать цѣли и не желать средствъ значитъ только обнаружить умственную и душевную трусость. Поэтому мои соотечественники должны выбирать одно изъ двухъ: или идти путемъ и средствами Муравьева къ усиленію могущества имперіи, или за одно съ

нами откровенно желать ея разрушенія. Кто желаетъ ея величія, долженъ поклоняться, подражать Муравьеву и подобно ему, отвергать, давить всякую свободу. Кто, напротивъ, любитъ свободу и желаетъ ея, долженъ понять, что осуществить ее можетъ только свободная федерація провинцій и народовъ, т. е. уничтоженіе имперіи. Иначе свобода народовъ, провинцій и общинъ — пустыя слова. Право федераціи и отдѣленіе, т. е. отступленіе отъ союза, есть абсолютное отрицаніе историческаго права, которое мы долны отвергать, если въ самомъ дѣлѣ желаемъ освобожденія народовъ.

Я довожу до конца логику постановленныхъ мною принциповъ. Признавая русскую армію основаніемъ императорской власти, я открыто выражаю желаніе, чтобы она во всякой войнѣ, которую предприметъ имперія, терпѣла одни пораженія. Этого требуетъ интересъ самой Россіи, и наше желаніе совершенно патріотично, въ истинномъ смыслѣ слова, потому что всегда только неудачи царя нѣсколько облегчали бремя императорскаго самовластья. Между имперіей и нами, патріотами, революціонерами, людьми свободомыслящими и жа-

ждущими справедливости, нѣтъ никакой солидарности.

Но довольно о нашихъ частныхъ дѣлахъ. Займемся общими принципами, служащими предметомъ настоящихъ преній и долженствующими привести къ соглашенію два великіе интереса: интересъ отечества и интересъ свободы.

То, что по моему мнѣнію справедливо относительно Россіи, должно быть также справедливо относительно Европы. Сущность религіозной, бюрократической и военной централизаціи вездѣ одинакова. Она цинично груба въ Россіи, прикрыта конституціонной, болѣе или менѣе лживой, личиной въ цивилизованныхъ странахъ запада, но принципъ ея все одинъ и тотъ же — насиліе. Насиліе внутри подъ предлогомъ общественнаго порядка; насиліе внѣшнее подъ предлогомъ равновѣсія или даже за неимѣніемъ лучшаго повода, — подъ предлогомъ Іерусалимскихъ ключей. Въ нынѣшней Европѣ реакція почти всюду торжествуетъ; всюду она грозитъ послѣднимъ остаткамъ несчастной свободы, которая, повидимому, разучилась защищаться. Чѣмъ теперь заняты правительства! Они воору-

жаются другъ противъ друга. Всюду затѣваются чудовищныя вооруженія. Неужели мы идемъ къ ужаснымъ временамъ Валленштейна и Тилли? Горе, горе націямъ, вожди которыхъ вернутся побѣдоносными съ полей битвъ! Лавры и ореолы превратятся въ цѣпи и ковы для народовъ, которые вообразятъ себя побѣдителями.

Мы всѣ здѣсь друзья мира, и Конгрессъ нашъ собрался для разсужденія о немъ. Но много ли найдется между нами до того наивныхъ, чтобъ считать себя въ силахъ не допустить человѣчество до готовящейся страшной всемірной войны? Нѣтъ, никто изъ насъ не повиненъ въ такомъ самообольщеніи. Мы собрались не для того, чтобы браться за дѣло очевидно непосильное, а для того, чтобы изыскивать сообща условія, при которыхъ международный миръ возможенъ. Какіе же принципы должны лечь въ основу нашего дѣла?

Эти принципы, истинныя начала справедливости и свободы, должны быть непремѣнно провозглашены именно теперь, когда недостатокъ принциповъ деморализируетъ умы, разслабляетъ характеры и служитъ опорой всѣмъ реакціямъ и всѣмъ деспотизмамъ. Если мы

въ самомъ дѣлѣ желаемъ мира между націями, мы должны желать международной справедливости. Стало быть каждый изъ насъ долженъ возвыситься надъ узкимъ, мелкимъ патріотизмомъ, для котораго своя страна — центръ міра, который свое величіе полагаетъ въ томъ, чтобы быть страшнымъ сосѣдямъ. Мы должны поставить человѣческую, всемірную справедливость выше всѣхъ національныхъ интересовъ. Мы должны разъ на всегда покинуть ложный принципъ національности, изобрѣтенный въ послѣднее время деспотами Франціи, Россіи и Пруссіи для вѣрнѣйшаго подавленія верховнаго принципа свободы. Національность не принципъ; это законный фактъ, какъ индивидуальность. Всякая національность, большая или малая, имѣетъ несомнѣнное право быть сама собою, жить по своей собственной натурѣ. Это право есть лишь выводъ изъ общаго принципа свободы.

Всякій, искренно желающій мира и международной справедливости, долженъ разъ на всегда отказаться отъ всего, что называется славой, могуществомъ, величіемъ отечества, отъ всѣхъ эгоистическихъ и тщеславныхъ интересовъ патріотизма. Пора желать абсолют-

наго царства свободы внутренней и внѣшней. Программа нашихъ комитетовъ приглашаетъ насъ обсудить основанія организаціи Соединенныхъ Штатовъ Европы. Но возможна ли эта организація съ нынѣ существующими государствами? Вообразите себѣ федерацію, гдѣ Франція стоитъ на ряду съ великимъ герцогствомъ Баденскимъ, Россія на ряду съ Молдо-Валахіей. Вообще, вообразима ли федерація централизованныхъ, бюрократическихъ и военныхъ государствъ, какія покрываютъ всю Европу, кромѣ Швейцаріи?

Всякое центрелизованное государство, какимъ бы либеральнымъ оно не заявлялось, хотя бы даже носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплуататоръ народныхъ рабочихъ массъ въ пользу привиллегированнаго класса. Ему необходима армія, чтобы сдерживать эти массы, а существованіе этой вооруженной силы подталкиваетъ его къ войнѣ. Отсюда я вывожу, что международный миръ не возможенъ, пока не будетъ принятъ со всѣми своими послѣдствіями слѣдующій принципъ: Всякая нація, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, всякая провинція, всякая община имѣетъ аб-

солютное право быть свободной, автономной, жить и управляться согласно своимъ интересамъ, своимъ частнымъ потребностямъ, и въ этомъ правѣ всѣ общины, всѣ націи до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этимъ самымъ опасности во всѣхъ остальныхъ.

Всеобщій миръ будетъ невозможенъ, пока существуютъ нынѣшнія централизованныя государства. Мы должны стало быть, желать ихъ разложенія, чтобы на развалинахъ этихъ единствъ, организованныхъ сверху внизъ деспотизмомъ и завоеваніемъ, могли развиться единства свободныя, организованныя снизу вверхъ, свободной федераціей общинъ въ провинцію, провинцій въ націю, націй въ Соединенные Штаты Европы.

II.

Граждане!

Я счастливъ, что могу въ вашемъ присутствіи принять руку, такъ откровенно протянутую намъ однимъ изъ представителей польской соціальной демократіи*). Я принимаю ее отъ имени русской соціальной демократіи; и мы имѣемъ право ее принять, потому что и мы, со страстью не уступающей по силѣ страсти польской демократіи, желаемъ полнаго разрушенія, совершеннаго уничтоженія русской имперіи, имперіи, которая служитъ вѣчной угрозой для свободы міра, постыдной тюрьмой для всѣхъ народовъ, ею покоренныхъ, систематическимъ и насильственнымъ отрицаніемъ всего, что называется правомъ, справедливостью, человѣчностью.

---

*) Г. Мрочковскимъ. М. Др.

Годъ тому назадъ, на Женевскомъ Конгрессѣ, я имѣлъ уже случай громко заявить, что между нами — партіей народнаго освобожденія — и между приверженцами этой чудовищной имперіи не возможно никакое соглашеніе. Наши цѣли діаметрально противоположны, онѣ взаимно исключаютъ другъ друга. Кто желаетъ сохраненія имперіи, увеличенія и развитія ея могущества, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, тотъ долженъ съ царемъ и съ Муравьевыми идти противъ насъ. Кто, напротивъ, желаетъ свободы, благосостоянія, умственнаго освобожденія и нравственнаго достоинства народа, тотъ долженъ вмѣстѣ съ нами содѣйствовать разрушенію имперіи.

Въ Европѣ обыкновенно смѣшиваютъ имперію, состоящую изъ великой и малой Россіи и всѣхъ покоренныхъ земель, съ самимъ народомъ, ошибочно воображая, что она есть вѣрное выраженіе инстинктовъ, стремленій и воли народа, между тѣмъ какъ она, напротивъ, всегда играла роль эксплоататора, мучителя и вѣкового палача народа.

Надо замѣтить, что совершенно невѣрно говорится о русскомъ народѣ, какъ объ еди-

номъ цѣломъ, потому что русскій народъ не составляетъ однородной массы, а состоитъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ, но все же различныхъ племенъ. Племена эти слѣдующія: во первыхъ, народъ великорусскій, славянскій по происхожденію, съ примѣсью финскаго элемента, составляющій однородную массу 35-ти милліоннаго населенія; это главная часть имперіи. На ней главнымъ образомъ основалось могущество московскихъ царей.

Но очень ошибется тотъ, кто предполагаетъ, что этотъ народъ добровольно и свободно сдѣлался рабскимъ орудіемъ царскаго деспотизма. Вначалѣ, до вторженія татаръ, и даже послѣ, до начала XVII столѣтія, это былъ, конечно, тоже очень несчастный народъ, мучимый своими правителями и привилегированными эксплоататорами земли, но пользовавшійся однакожъ естественной свободой и полнымъ общиннымъ и даже часто областнымъ самоуправленіемъ.

Вся сѣверо-восточная часть имперіи, населенная преимущественно этимъ великорусскимъ народомъ, раздѣлялась, какъ извѣстно,

даже во время татарскаго ига, на нѣсколько удѣльныхъ княжествъ, болѣе или менѣе независимыхъ другъ отъ друга; и это раздѣленіе, эта взаимная независимость ограждали, до извѣстной степени, свободу всѣхъ, — свободу, конечно, дикую, но дѣйствительную. Основанія первобытной и не вполнѣ сложившейся организаціи были чисто демократическія. Князья, часто прогоняемые и почти всегда странствующіе изъ одного княжества въ другое, пользовались только ограниченной властью. Дворянство составлявшее княжескій дворъ, кочевало вмѣстѣ съ князьями; слѣдовательно, осѣдлыхъ собственниковъ было очень мало. Народъ тоже кочевалъ и потому земля въ дѣйствительности не принадлежала никому, т. е. она принадлежала всѣмъ — народу. Вотъ гдѣ кроется начало идеи, вкоренившейся въ умахъ всѣхъ русскихъ племенъ имперіи — идеи, пережившей всѣ политическія революціи и оставшейся болѣе могущественной, чѣмъ когда либо, въ народномъ сознаніи — идеи, носящей въ себѣ всѣ соціальныя революціи прошедшія и будущія и состоящей въ убѣжденіи, что земля, вся земля принадлежитъ только одному народу,

т. е. всей дѣйствительно трудящейся массѣ, обработывающей ее своими руками.

Цари, вначалѣ великіе князья московскіе, были долгое время только управляющими татаръ въ Россіи, управляющими униженно рабскими, страшно корыстными и неутомимо жестокими; и какъ подобаетъ управляющимъ, они обдѣлывали свои собственныя дѣла гораздо больше, чѣмъ дѣла своихъ господъ; благодаря покровительству татаръ, они постепенно увеличивали свои владѣнія, въ ущербъ сосѣднимъ княжествамъ. Таково было начало московскаго могущества. Цѣлыя два столѣтія великіе князья московскіе, московскіе бояре и московская церковь образовывались въ политической школѣ, принципы которой выражаются словами — рабство, низкое подобострастіе, гнусная измѣна, жестокое насиліе, отрицаніе всякаго права и всякой справедливости и полное презрѣніе къ человѣчеству. Когда, благодаря этой политикѣ, благодаря особенно несогласію татаръ между собою, эти управляющіе, до сихъ поръ рабски покорные, почувствовали себя достаточно сильными, чтобы избавиться отъ своихъ господъ, они ихъ прогнали.

Б. 2
СОЦИ

Но татарщина, вмѣстѣ съ своими скверными качествами рабства, успѣла глубоко вкорениться въ оффиціальномъ и оффиціозномъ мірѣ Москвы.

Подобное политическое начало достаточно объясняетъ дальнѣйшее развитіе россійской имперіи. Но судьба готовила намъ еще другой великій источникъ развращенія.

Въ концѣ XV вѣка Константинополь палъ и наслѣдіе умирающей византійской имперіи раздѣлилось на двѣ части. На западъ бѣжавшіе Греки принесли съ собою безсмертныя традиціи древней Греціи, которыя дали толчокъ живому движенію Возрожденія. А намъ она завѣщала, вмѣстѣ съ своей княжной, своими патріархами и чиновниками, всю испорченность византійской церкви и ужасный азіатскій деспотизмъ въ политической, соціальной и религіозной жизни.

Вообразите себѣ дикаго князя, татарина съ головы до ногъ, грубаго, буйнаго, жестокаго, трусливаго въ случаѣ нужды, лишеннаго всякаго образованія, не только презирающаго всякое право, но совершенно неимѣющаго понятія о правѣ и человѣколюбіи; изъ перво-

начальнаго рабскаго положенія онъ вдругъ возносится въ своемъ воображеніи, по меньшей мѣрѣ, на высоту византійскаго императора и воображаетъ себя призваннымъ быть богомъ на землѣ, владыкой всего міра. А возлѣ него церковь, не менѣе грубая, не менѣе невѣжественная, но властолюбивая и развращенная, изъ своего рабскаго положенія въ Византіи она переносится въ несравненно болѣе рабское положеніе въ Москвѣ, честолюбивая и въ тоже время алчная и раболѣпная, является всегда послушнымъ орудіемъ всякаго деспотизма, вѣчно пресмыкаясь передъ царемъ, она наконецъ, такъ тѣсно смѣшала въ своихъ молитвахъ его имя съ именемъ бога, что удивленные вѣрующіе, въ концѣ концовъ, не знаютъ, кто богъ и кто царь. Рядомъ съ этой церковью и этимъ царемъ вообразите себѣ дворянство, не менѣе жестокое и варварское, составленное изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: изъ потомковъ русскихъ князей, лишенныхъ своихъ удѣловъ, изъ татарскихъ князей, изъ литовскихъ дворянъ, укрывшихся въ Москвѣ, изъ новыхъ и старыхъ бояръ, титулованныхъ дворцовыхъ лакеевъ, чиновниковъ и сыщи-

ковъ дикой московской администраціи; и всѣ они образуютъ вокругъ трона что то въ родѣ наслѣдственной бюрократіи, оффиціальную касту, совершенно отдѣленную отъ народа; эта каста сама до безконечности дробится по родамъ и чинамъ, разъединяется честолюбіемъ, жадностью, соревнованіемъ лакейства, но составляетъ единодушное цѣлое въ одномъ общемъ рабствѣ, въ невѣроятномъ самоуничтоженіи передъ истиннымъ богомъ имперіи — царемъ. Одинаково безличные, одинаково уничтоженные передъ нимъ, всѣ они, съ какимъ то рабскимъ сладострастіемъ, называютъ сами себя его рабами, холопами, людишками, Мишками, Петьками, безропотно сносятъ отъ него всякое униженіе, позволяютъ себя оскорблять, бить, истязать, убивать, признаютъ его безусловнымъ господиномъ своего имущества, своей жизни, дѣтей и женъ своихъ, и взамѣнъ такого полнаго самоуниженія, они просятъ только одного — земли, какъ можно больше земли для эксплоатаціи, права грабить казну безъ стыда и немилосердно мучить народъ.

Итакъ, народъ, вотъ истинная вѣковая жертва московской исторіи.

Наша исторія представляетъ противуположность исторіи запада. Тамъ короли соединялись вначалѣ съ народомъ, чтобы подавить аристократію, а у насъ рабство народа было результатомъ корыстнаго союза царя, дворянства и высшаго духовенства. Слѣдствіемъ всего этого было то, что народъ великорусскій, свободный до конца XVI вѣка, вдругъ оказался прикрѣпленнымъ къ землѣ, и сначала фактически, а потомъ и юридически сдѣлался рабомъ господина — собственника земли, дарованной ему государствомъ.

Терпѣливо ли онъ выносилъ это рабство? Нѣтъ. Онъ протестовалъ тремя страшными возстаніями. Первое возстаніе произошло въ самомъ началѣ XVII вѣка, въ эпоху Лжедимитрія. Совершенно не вѣрно объяснять это возстаніе династическими вопросами или интригами Польши. Имя Дмитрія было только предлогомъ, а польскія войска, проведенныя польскимъ магнатомъ, были такъ малочисленны, что не стоитъ говорить объ нихъ. Это было истинное возстаніе народныхъ массъ противъ тиранін московскаго государства, бояръ и церкви. Могущество Москвы было разбито и освобожденныя русскія провинцы

послали туда своихъ депутатовъ, которые хотя и выбрали новаго царя, но принудили его принять извѣстныя условія, ограничивавшая его власть; онъ поклялся сохранять эти условія, но вслѣдствіи, конечно, нарушилъ эту клятву. Главными основаніями этой хартіи были — уничтоженіе московской бюрократіи и автономія общинъ и областей, слѣдовательно, совершенное уничтоженіе гегемоніи и всемогущества Москвы.

Но хартія была нарушена. Царь Алексѣй, наслѣдникъ народнаго избранника, съ помощью дворянства и церкви возстановилъ деспотическую власть и рабство народа. Тогда то поднялось народное возстаніе, носившее на себѣ тройной характеръ: религіозный, политическій и соціальный — возстаніе Стеньки Разина, перваго и самаго страшнаго революціонера въ Россіи. Онъ поколебалъ могущество Москвы въ самомъ ея основаніи. Но онъ былъ побѣжденъ. Недисциплинированныя народныя массы не могли вынести напора военной силы, уже организованной офицерами, вызванными изъ Европы, особенно изъ Германіи. И эта новая побѣда государства надъ народомъ послужила основаніемъ новой им-

періи Петра великаго. Петръ понялъ, что для основанія могущественной имперіи, способной бороться противъ рождавшейся централизаціи западной Европы, уже не достаточно татарскаго кнута и византійскаго богословія. Къ нимъ нужно было прибавить еще то, что называлось въ его время цивилизаціей запада — т. е. бюрократическую науку. И вотъ изъ татарскихъ элементовъ, полученныхъ въ наслѣдіе отъ отцовъ и съ помощью этой нѣмецкой науки, онъ основалъ ту чудовищную бюрократію, которая и до сихъ поръ давитъ и угнетаетъ насъ. На вершинѣ этой пирамиды стоитъ царь, самый безполезный и самый вредный изъ всѣхъ чиновниковъ; подъ нимъ дворянство, попы и привилегированные мѣщане, всѣ имѣющіе значеніе только по стольку, по скольку они служатъ и грабятъ государство, а внизу, какъ пьедесталъ пирамиды, — народъ, задавленный податями и мучимый немилосердно.

Покорился ли народъ своему рабству? Примирился ли онъ съ имперіей? Нисколько. Въ 1771 году, среди торжества Екатерины II надъ турками и надъ несчастной и благородной Польшей, которую она задушила и разо-

рвала на части, не одна впрочемъ, такъ какъ ей помогали въ этомъ два знаменитыхъ представителя западной цивилизаціи: Фридрихъ великій, король прусскій, другъ философовъ и самъ философъ, и набожная Марія Терезія, императрица австрійская; и такъ среди торжества Екатерины II, въ то время, какъ весь міръ удивлялся возроставшему могуществу и удивительному счастью императрицы всероссійской, Пугачевъ, простой, донской казакъ, поднялъ всю восточную Россію. Дѣйствительно, вся страна между Волгой и Ураломъ возстала; милліоны крестьянъ, вооруженныхъ топорами, пиками, ружьями и всякимъ оружіемъ, поднялись; и для чего? чтобы избить по всюду дворянъ и чиновниковъ, чтобы захватить всю землю въ свои руки и образовать на ней свободныя сельскія общины, основанныя на коллективной собственности. Екатерина сначала отнеслась съ презрѣніемъ къ этому возстанію, но за тѣмъ испугалась не на шутку.

Многочисленные полки, посланные противъ бунтовщиковъ подъ предводительствомъ старыхъ генераловъ, были разбиты. Вся народная Россія, Россія крестьянская, пробужденная,

воспламененная доброй вѣстью, взволновалась. Народъ ждалъ Пугачева въ Москвѣ. Если бы онъ пришелъ, русская имперія погибла бы безвозвратно. Императрица послала противъ Пугачева огромную армію и народъ еще разъ былъ побѣжденъ.

Что же, покорился ли онъ послѣ этого? Нѣтъ. Со времени казни Пугачева и до нашихъ дней, внутренняя, болѣе или менѣе секретная исторія имперіи состоитъ изъ послѣдовательнаго и непрерывнаго ряда частныхъ и мѣстныхъ возстаній крестьянъ — возстаній, вызываемыхъ глубокой и непримиримой ненавистью ихъ къ помѣщикамъ, ко всѣмъ чиновникамъ и къ государственной церкви. Вы видите, господа, я былъ правъ, говоря, что между великорусскимъ народомъ и имперіей, его давящей, нѣтъ ничего общаго. Первый есть отрицаніе послѣдней; примиреніе между ними невозможно, потому что интересы ихъ не совмѣстимы: интересы народа заключаются въ свободномъ пользованіи землей, въ самостоятельности сельскихъ общинъ, въ благосостояніи, вытекающемъ изъ свободнаго труда и исключающимъ, слѣдовательно, помѣщичью собственность, опеку, т. е. бюрократическій

грабежъ народъ, налоги — все, что составляетъ самую суть государства. Какъ же можетъ народъ любить государство и желать сохраненія его могущества?

Но возразятъ, развѣ народъ не обожаетъ царя? На это я скажу, что обожаніе царя есть только результатъ громаднаго недоразумѣнія. За нѣсколько лѣтъ до великой французской революціи, англійскій путешественникъ, Артуръ Юнгъ, видя восторгъ, съ которымъ встрѣчало Людовика XVI сельское и городское населеніе Франціи, сказалъ, что „народъ, который такъ обожаетъ своего короля, никогда не можетъ быть свободенъ". Черезъ нѣсколько лѣтъ совершилась революція и никто не помѣшалъ столичнымъ революціонерамъ возвратить бѣжавшую царскую фамилію подъ стражей изъ Вареннъ въ Парижъ. Знаете ли, что означаетъ это воображаемое обожаніе русскаго царя народомъ? Это — проявленіе ненависти къ дворянству, къ оффиціальной церкви, ко всѣмъ государственнымъ чиновникамъ, т. е. ко всему, что составляетъ самую суть императорскаго могущества, самую существенную сторону имперіи. Царь для народа, подобно богу, только

отвлеченность, во имя которой онъ протестуетъ противъ жестокой и подлой дѣйствительности.

Таково положеніе великорусскаго народа. Теперь судите сами, справедливо ли приписывать ему преступленія и завоеванія, совершаемыя имперіей. Но, скажутъ, развѣ онъ не снабжалъ солдатами? Да, конечно, какъ французскій народъ снабжалъ арміи Наполеона I для завоеванія міра, какъ онъ снабжалъ ими Наполеона III для покоренія Мексики и Рима, какъ въ настоящее время еще большая часть Германіи приготовляетъ своихъ солдатъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ пассивное орудіе въ рукахъ графа Бисмарка. Есть ли въ самомъ дѣлѣ въ характерѣ великорусскаго народа эти воинственные, завоевательные элементы, вотъ въ чемъ вопросъ. На эту я могу смѣло отвѣтить, что славянскіе народы вообще, великорусскій въ особенности, наименѣе воинственный, наименѣе завоевательный народъ въ мірѣ. Единственная вещь, которую онъ страстно желаетъ — это свободное и коллективное пользованіе землей, которую онъ обрабатываетъ, все остальное ему чуждо и вызываетъ въ немъ страхъ.

Впрочемъ, посмотрите всю исторію этого народа и скажите, шелъ ли онъ когда нибудь по доброй волѣ на западъ? Туда ходили русскія арміи, собранныя и дисциплинированныя кнутомъ для удовлетворенія честолюбія царей, русскій же народъ никогда. Причина этого весьма проста. Народъ этотъ по преимуществу земледѣльческій и требуетъ земли, свободной земли. А на западѣ земля не свободна, напротивъ черезъ чуръ густо заселена, на востокѣ же она безпредѣльна, необработана и плодородна, — вотъ почему пока русскій народъ былъ свободенъ въ своихъ движеніяхъ, пока Петръ Великій не прикрѣпилъ его окончательно къ землѣ, онъ всегда направлялъ свой путь на востокъ, поворачивая спину западу до тѣхъ поръ, пока это движеніе не прекратилось насильственно имперіей.

Вотъ, господа, сущность исторіи великорусскаго народа. Но кромѣ его есть еще малороссы, болѣе чистые славяне, съ меньшей примѣсью финскаго элемента: они образуютъ въ имперіи 12 милліоновъ населенія, а если прибавить къ нимъ галиційскихъ русиновъ, то — цѣлые 15 милліоновъ однород-

наго племени, говорящаго однимъ языкомъ, имѣющаго одинаковые нравы и великія историческія воспоминанія. Послѣ вторженія татаръ народъ этотъ къ несчастью былъ поставленъ между московскимъ деспотизмомъ съ одной стороны и жестокимъ притѣсненіемъ іезуитствующей и аристократической польской шляхты съ другой.

Возставши противъ этой послѣдней, въ половинѣ XVII вѣка, часть Украйны изъ ненависти къ Польшѣ совершила великую ошибку: она приняла покровительство русскаго царя. Цари обѣщали ей все: и сохраненіе ей вольностей и національную автономію. Но такъ какъ обѣщаніе всѣхъ государей, будутъ ли они цари, простые герцоги, короли или императоры, походятъ другъ на друга всегда и вездѣ, то русскіе цари наградили, конечно, Малороссію самымъ грубымъ деспотизмомъ, такимъ же, какой существовалъ въ великой Россій съ жестокой помѣщичьей эксплоатаціей и не менѣе жестокимъ притѣсненіемъ бюрократіи. Въ XVIII в., когда Франція готовилась къ революціи, Екатерина II, филантропствующая императрица, восхваляемая философами, ввела крѣпостное право, до того

времени не существовавшее въ Польшѣ. А въ настоящее время это панславистское національное правительство систематически и жестоко преслѣдуетъ малороссійскій языкъ въ Малороссіи, какъ польскій въ Польшѣ. Пусть будетъ это предостереженіемъ австрійскимъ и турецкимъ славянамъ, которые ищутъ свое спасеніе въ Москвѣ.

Этотъ народъ, вмѣстѣ съ 4 милл. бѣлоруссовъ, по всей вѣроятности, составитъ отдѣльную, независимую націю милліоновъ въ 20 жителей, которая можетъ, конечно, вступить въ союзъ съ Польшей или Великоруссіей, но должна остаться совершенно независимой отъ гегемоніи той и другой. Но, скажутъ, развѣ положеніе этихъ народовъ не улучшилось значительно со времени пресловутаго освобожденія крестьянъ, которымъ такъ гордится царствующій нынѣ императоръ? Не вѣрьте этому освобожденію, она только на словахъ; народъ пересталъ ему вѣрить окончательно. Я считаю необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ, чтобы разсѣять заблужденія запада на этотъ счетъ. Я начну съ замѣчанія, что напрасно приписываютъ честь этой попытки или этого ложнаго освобожденія вели-

кодушію императора Александра II. Ея единственной причиной была крымская катастрофа. Эта война, къ счастью столь несчастная для насъ, нанесла тяжелый ударъ самому существованію имперіи. Зданіе воздвигнутое Петромъ Великимъ, Екатериною II и Николаемъ I, вдругъ пошатнулось, внезапно открыло всю свою преждевременную гнилость и дѣйствительную негодность. Послѣ крымской войны для всѣхъ стало очевидно, что старый порядокъ вещей не можетъ болѣе продолжаться и что если государство не будетъ преобразовано, то народная революція вспыхнетъ неминуемо. Старый порядокъ основанъ былъ на крѣпостномъ правѣ — слѣдовательно, надо освободить народъ. Таково было въ то время единодушное убѣжденіе всей Россіи; такова была страстная надежда, великое ожиданіе народныхъ массъ. Чтобы доказать вамъ справедливость моихъ словъ я приведу свидѣтельство одной важной особы, авторитетъ которой въ этомъ случаѣ не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. Эта особа самъ императоръ Александръ II. Не помню, было ли это въ 1859 или въ 1860 г., онъ произнесъ публично въ полномъ собраніи

московскихъ дворянъ слѣдующія замѣчательныя слова: Господа, мы должны поторопиться освободить крестьянъ, ибо лучше для всѣхъ насъ, чтобы эта революція произошла сверху, а не снизу.“ Смыслъ этихъ словъ черезъ чуръ простъ и ясенъ; неправда ли? Если бы народу не дали подобія свободы, онъ самъ бы ее взялъ; но взялъ бы уже свободу полную, дѣйствительную, безусловную, взялъ бы ее посредствомъ революціи, т. е. уничтоженія дворянства и имперіи.

Государство находилось тогда въ крайне трудномъ и щекотливомъ положеніи; съ одной стороны оно должно было освободить народъ, съ другой очень хорошо понимало, что не можетъ этого сдѣлать дѣйствительно, потому что все его существованіе, всѣ условія его бытія враждебны дѣйствительному освобожденію народа. Слѣдовательно надо было обмануть ихъ кажущимся освобожденіемъ, дать имъ, въ интересахъ сохраненія государства, такую свободу, которая въ сущности не была бы свободой, и не раззорила бы помѣщиковъ, заставивъ крестьянъ заплатить вдвое, втрое дороже за землю, которая и безъ того принадлежала имъ по праву ихъ

собственнаго тяжелаго труда и труда всѣхъ предковъ ихъ. Это и было сдѣлано. Не смотря на эту свободу, о которой такъ много кричали въ Европѣ, русскій народъ до сихъ поръ прикрѣпленъ къ землѣ, и русскій крестьянинъ, сдѣлавшійся собственникомъ своей земли, вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно раззоренъ и почти умираетъ съ голоду.

Чтобы собрать оброки и покрыть недоимки, которые онъ не въ состояніи платить, продаютъ орудія его труда и даже его скотъ; у него нѣтъ болѣе сѣмянъ для посѣва, нѣтъ возможности обработывать землю. Вотъ то счастье, которымъ наградилъ его великодушный Александръ II.

Не понимая подобной свободы, онъ возставалъ. Его били, разстрѣливали и ссылали. Во многихъ губерніяхъ онъ и теперь еще нерѣдко проситъ правительство взять землю назадъ, которая, при настоящихъ условіяхъ, его раззоряетъ, — его же бьютъ палками, сажаютъ въ тюрьмы, разстрѣливаютъ. Таково настоящее положеніе народа, и теперь онъ начинаетъ понимать, что царь — божественная отвлеченность — и есть дѣйствительная и главнѣйшая причина всѣхъ его бѣдствій.

Отъ этого сознанія до кровавой революціи очень не далеко.

Но кто съумѣетъ организировать и направить эту революцію? Молодежь. Говоря вамъ о революціонной русской молодежи, я не могу не упомянуть о случаѣ, бывшемъ между нами и которымъ хотѣли воспользоваться противъ меня. Я говорю о новомъ манифестѣ русской соціальной демократіи, который многіе изъ насъ читали. Имъ воспользовались третьяго дня, какъ неоспоримымъ аргументомъ, чтобы склонить васъ отвергнуть принципъ экономическаго и соціальнаго управленія классовъ и лицъ, который мною и моими друзьями былъ вамъ предложенъ въ надеждѣ, что вы захотите дать рабочимъ массамъ серьезное и дѣйствительное доказательство искренности вашихъ демократическихъ и народныхъ чувствъ. Вамъ сказали: „видите, чего хотятъ эти нарушители общественнаго порядка. Они хотятъ уничтоженія религіи, собственности, семейства и государства — этихъ вѣчныхъ основъ цивилизаціи“; эти гг. должны бы были прибавить „и вѣчной несправедливости“. Эти основы и эти причины существующаго порядка вещей такъ прекрасны и такъ справед-

ливы, что вы сами въ своей программѣ заявляете о необходимости „радикальнаго“ ихъ преобразованія. Я не имѣю намѣренія входить въ подробности этого спора. Я хочу только отклонить отъ себя честь изданія этого манифеста, причемъ громко заявляю, что я отъ всего сердца признаю всѣ изложенные въ немъ принципы. Въ доказательство, что я дѣйствительно не участвовалъ въ составленіи этого документа я приведу только одинъ фактъ. Въ 1862 г. та же самая программа, съ небольшими измѣненіями и, конечно, иначе изложенная была напечатана тайно въ Россіи подъ названіемъ „Манифеста Молодой Россіи“.

Скажутъ, какъ говорили и тогда, что „этотъ манифестъ есть только необдуманное и преувеличенное выраженіе чувствъ очень небольшого числа молодыхъ вѣтренниковъ“. Это, господа, глубокая ошибка. Хотите вы знать число молодыхъ и пожилыхъ людей, разбросанныхъ по Россіи и сочувствующихъ этимъ принципамъ, людей, которыхъ чувства, стремленія, инстинкты или, если такъ можно выразиться, симпатіи вполнѣ выражаются изложенными въ манифестѣ принципами. Я думаю,

что я скорѣе уменьшу, чѣмъ преувеличу, если скажу, что число такихъ людей простирается до 40 или даже до 50 тысячъ человѣкъ. Вѣдь это цѣлая армія! И армія осмысленная и энергичная. Кто составляетъ ее? Молодые люди, вышедшіе изъ корпусовъ, гимназій и университетовъ, дѣти мѣщанъ или раззорившагося мелкаго дворянства. Юноши, почти лишенные средствъ существованія, но тратящіе послѣдній свой грошъ на пріобрѣтеніе книгъ и образованіе; въ особенности дѣти сельскаго духовенства, большинство которыхъ погибаетъ въ адскихъ трущобахъ нашихъ семинарій, но изъ числа которыхъ очень многіе, притомъ самые умные и сильные, вырываются оттуда полные энергіи и ненависти ко всему существующему строю. Наконецъ, много крестьянскихъ и мѣщанскихъ дѣтей — юношей полныхъ жизни, изъ которыхъ многіе дѣлаются замѣчательными людьми, если счастливый случай дастъ имъ возможность образоваться. Вотъ, господа, наша революціонная фаланга, которую государство преслѣдуетъ немилосердно, сотнями ссылаетъ въ Сибирь, садитъ въ тюрьмы, умышленно убиваетъ и истязаетъ всѣми спо-

собами, и, не смотря ни на что, оказывается безсильнымъ противъ нихъ, такъ какъ они черезъ чуръ многочисленны, разбросанны по всему пространству имперіи, а главное черезъ чуръ незамѣтны и потому легко избѣгаютъ надзора.

Но что могутъ сдѣлать разбросанные 40 или 50 тысячъ человѣкъ противъ организованной силы государства? Они могутъ тоже организоваться; они уже организовываются, а посредствомъ организаціи сдѣлаются въ свою очередь силою, и силою тѣмъ болѣе грозною, что она будетъ почерпать свою силу не въ себѣ самой, а въ народѣ. Они сдѣлаются безустанными и дѣятельными посредниками между нуждами, инстинктами, неодолимой, но еще не сознанной, силой народа и революціонной идеей.

Съ такимъ народомъ, соціалистомъ по инстинкту и революціонеромъ по природѣ, и съ такой молодежью, стремящейся по принципамъ и что еще важнѣе, по самому своему положенію, къ уничтоженію существующаго порядка вещей, — революція въ Россіи несомнѣнна. Что же будетъ ея первымъ, ея

необходимымъ дѣломъ? Разрушеніе имперіи, потому, что пока существуетъ имперія, ничего хорошаго и живого не можетъ осуществиться въ Россіи. Это, господа, убѣжденіе русской революціонной молодежи и мое также. Мы патріоты народа, а не государства. Мы хотимъ счастія, достоинства, свободы нашего народа, всѣхъ народовъ русскихъ и не русскихъ, заключенныхъ нынѣ въ имперіи. Поэтому то мы и желаемъ разрушенія имперіи. Ясно это?

Позвольте мнѣ, господа, прибавить къ этой длинной рѣчи, еще одно замѣчаніе. Годъ тому назадъ, одинъ демократическій журналъ, издаваемый въ Лейпцигѣ, обращаясь ко всей демократической русской эмиграціи и называя, между прочимъ и мое имя, задалъ намъ такой вопросъ: вы называете себя демократами, соціалистами, заклятыми врагами нашего правительства; скажите же намъ, каковы ваши чувства и мысли относительно честолюбивыхъ стремленій вашей имперіи? Ненавидите ли вы, подобно намъ, порабощеніе Польши, Кавказа, Финляндіи, Балтійскихъ провинцій, ваши недавнія завоеванія въ Бухаріи и воинственные планы противъ Турціи?

На этотъ вопросъ, впрочемъ совершенно естественно, я не счелъ нужнымъ отвѣчать тогда: теперь я отвѣчу на него. Послѣ всего сказаннаго отвѣтъ будетъ легокъ. Впрочемъ для всѣхъ добросовѣстныхъ людей онъ вытекаетъ самъ собой изъ моей прошлогодней рѣчи, сказанной на Женевскомъ Конгресѣ. Если мы желаемъ полнаго и совершеннаго уничтоженія имперіи, мы можемъ только ненавидѣть ея властолюбіе, а слѣдовательно и всѣ ея побѣды на сѣверѣ, какъ и на югѣ, на востокѣ, какъ и на западѣ, и я думаю, что самымъ большимъ счастіемъ для русскаго народа было бы пораженіе императорскихъ войскъ, какимъ нибудь внутреннимъ или внѣшнимъ врагомъ. Вотъ мое мнѣніе относительно общаго принципа.

Теперь, вдаваясь въ подробности и начиная съ сѣвера, я скажу: Я желаю, чтобы Финляндія была свободна и имѣла полную возможность организоваться, какъ желаетъ и соединиться, съ кѣмъ захочетъ. Я говорю тоже самое, совершенно искренно и относительно Балтійскихъ провинцій. Я прибавлю только маленькое замѣчаніе, которое мнѣ кажется необходимымъ, потому что многіе изъ

нѣмецкихъ патріотовъ республиканцевъ и соціалистовъ имѣютъ повидимому двѣ мѣрки, когда дѣло доходитъ до международной справедливости — одну для нихъ самихъ, а другую для всѣхъ остальныхъ націй, такъ что нерѣдко то, что имъ кажется справедливымъ и законнымъ, когда оно касается германской имперіи, принимаетъ, въ ихъ же глазахъ, видъ отвратительнаго насилія, если совершается другой какой нибудь державой.

Предположимъ, напр., что германская страна будетъ завоевана иностраннымъ государствомъ, напримѣръ Франціею; тринадцать четырнадцатыхъ населенія этой страны, слѣдовательно, большинство обитателей, считается чистыми нѣмцами и только одна четырнадцатая, горсть завоевателей и властителей — классъ привилегированнаго дворянства и буржуазіи — оказывается состоящей изъ французовъ. Я прошу нѣмцевъ, задававшихъ намъ вопросъ, отвѣтить въ свою очередь, откровенно, положа руку на сердце: будетъ ли эта страна по ихъ мнѣнію французская или нѣмецкая? Я отвѣчу за нихъ, — конечно она считается нѣмецкой въ ихъ глазахъ. Во первыхъ, потому что огромное большинство на-

селенія осталось нѣмецкимъ, затѣмъ, потому что это большинство состоитъ изъ массы подавленой, эксплоатируемой, производительной — словомъ изъ рабочаго народа, а будущность, также какъ и симпатіи ихъ — я не сомнѣваюсь въ этомъ ни минуты, — на сторонѣ рабочаго люда. Таково положеніе Балтійскихъ провинцій. Откройте Кольба, великаго статистика, которымъ такъ гордится Германія, и вы увидите, что во всѣхъ прибалтійскихъ провинціяхъ, включая туда даже петербургскую губернію, всего только двѣсти тысячъ нѣмцевъ, на населенія въ два милліона восемь сотъ тысячъ человѣкъ*), какъ разъ одна четырнадцатая часть.

Посмотримъ теперь изъ какихъ элементовъ состоитъ это незначительное нѣмецкое меньшинство. Его составляютъ, во первыхъ, благородные потомки ливонскихъ рыцарей, которые съ папскимъ благословеніемъ и подъ предлогомъ религіи, а въ сущности, чтобы присвоить чужое достояніе, крестили огнемъ

---

*) Кольбъ насчитываетъ во всей имперіи только всего 600,000 нѣмцевъ.

и мечемъ эту несчастную страну. Чѣмъ стали они теперь? Высокомѣрными владыками народа, котораго они продолжаютъ эксплоатировать, и рабски преданными слугами петербургскаго императора. Если наши нѣмецкіе друзья хотятъ взять ихъ, если они думаютъ, что королевскіе дворцы въ Берлинѣ недостаточно наполнены юнкерами Помераніи, пусть они берутъ ихъ. Затѣмъ, ихъ управляющіе протестантскаго исповѣданія — самые неподвижные, непреклонные и правовѣрные изъ всѣхъ протестантовъ; они покорные слуги помѣщиковъ, для пользы которыхъ всѣми силами стараются задушить умственныя способности несчастныхъ латышскихъ и финскихъ крестьянъ. Желаютъ ли наши друзья, принимая ихъ въ видѣ подарка, увеличить число своихъ собственныхъ эксплоататоровъ народнаго невѣжества? — Наконецъ, остается буржуазія, которая нисколько не лучше и не хуже мелкой, средней и крупной буржуазіи нѣмецкихъ городовъ, зарабатывающей своимъ трудомъ средства съ жизни, или эксплоатирующей, когда можно, чужой трудъ; она вѣрный слуга россійскаго императора, но будетъ тѣмъ же самымъ и для всякаго другого

господина, который захотѣлъ бы ее подчинить своей власти. Она иногда можетъ резонерствовать, но никогда не возмутиться противъ своихъ господъ, ибо ея призваніе — резонерствовать и всегда повиноваться. Все остальное населеніе — два милліона шестьсотъ тысячъ — состоитъ изъ латышей или финовъ, т. е. изъ элементовъ совершенно чуждыхъ нѣмецкой народности, даже болѣе чѣмъ чуждыхъ, враждебныхъ — ибо нѣтъ именно болѣе ненавистнаго для этого народа, какъ имя нѣмцевъ. Это весьма естественно: развѣ рабъ можетъ любить своего господина и мучителя? Я слышалъ однажды самъ, какъ латышскій крестьянинъ говорилъ: „Мы ждемъ минуты, когда можно будетъ вымостить черепами нѣмцевъ большую дорогу, ведущую въ Ригу.“ Вотъ, господа, страна, которую германскія газеты представляютъ намъ нѣмецкой. Русская ли она поэтому? Нѣтъ, нисколько. Сдѣланная сначала нѣмецкой, а потомъ русской, по праву завоеванія, т. е. въ силу жестокой несправедливости и нарушенія всѣхъ правъ естественныхъ и человѣческихъ, она по природѣ своей, по инстинктамъ и желаніямъ своихъ обитателей, ни русская, ни нѣ-

мецкая; она финская и латышская страна. Что произойдетъ съ ней въ будущемъ, съ какой національной группой захочетъ она соединиться? — трудно предвидѣть. Вѣрно одно, и это не осмѣлится отрицать ни одинъ искренный и серьезный демократъ, будетъ ли онъ русскій или нѣмецкій все равно, вѣрно неоспоримое право этого народа располагать своей судьбою, независимо отъ 200,000 нѣмцевъ, которые притѣсняли его и теперь притѣсняютъ, и которыхъ онъ ненавидитъ, независимо отъ всякого германскаго союза и отъ россійской имперіи.

Теперь перейдемъ къ Польшѣ. Вопросъ, мнѣ кажется, одинаково простъ, если хотятъ разрѣшить его только съ точки зрѣнія справедливости и свободы: всѣ народности, всѣ страны, которыя захотятъ принадлежать къ новой польской федераціи, будутъ польскія, всѣ тѣ, которыя не захотятъ этого, не будутъ польскими. Русское населеніе Бѣлоруссіи, Литвы и Галиціи соединится съ кѣмъ захочетъ и никто не въ состояніи теперь опредѣлить его будущую судьбу. Мнѣ кажется, всего вѣроятнѣе и желательнѣе, чтобы они образовали вначалѣ съ Малороссіей отдѣль-

ную національную федерацію, независимую отъ Векикороссіи и Польши.

Наконецъ, останется ли сама Великороссія съ своимъ 35 милліоннымъ населеніемъ тоже политически централизованной, какъ и теперь? Это не желательно и невѣроятно. Централизованное 35 милліонное населеніе никогда не можетъ быть свободнымъ внутри и мирнымъ и справедливымъ внѣ своихъ предѣловъ. Великоруссія, какъ всѣ другія славянскія земли, слѣдуя великому потоку вѣка, который требуетъ непремѣннаго разрушенія всѣхъ великихъ или малыхъ политическихъ централизацій, всѣхъ учрежденій, организацій, чисто политическихъ, и образованія новыхъ соціальныхъ группъ, основанныхъ на коллективномъ трудѣ и стремящихся къ всемірной ассоціаціи, — Великоруссія, которая, какъ всѣ другія страны, которыхъ коснулась демократическая и соціальная революція, разрушится сначала, какъ политическое государство и свободно реорганизуется вновь снизу вверхъ, отъ окружности къ центру, смотря по своимъ потребностямъ, инстинктамъ, стремленіямъ и интересамъ, какъ личнымъ такъ коллективнымъ и мѣстнымъ — на единственномъ основаніи,

слѣдовательно, на которомъ возможно утвердиться — истинной справедливости и дѣйствительной свободѣ.

Наконецъ, чтобы резюмировать все сказанное, я еще разъ повторяю: да, мы хотимъ совершеннаго разрушенія россійской имперіи, полнаго уничтоженія ея могущества и ея существованія. Мы хотимъ этого столько же во имя человѣческой справедливости, какъ и во имя патріотизма.

Теперь, когда я достаточно ясно высказался, на столько ясно, что никакое двусмыслiе или сомнѣніе болѣе не возможно, да позволю себѣ задать одинъ вопросъ нашимъ нѣмецкимъ друзьямъ, предложившимъ намъ вышеприведенные вопросы. Согласны ли они, во имя любви къ справедливости и свободѣ, отказаться отъ польскихъ провинцій, каково бы то ни было ихъ географическое положеніе, ихъ стратегическая и торговая польза для Германіи — желаютъ ли они отказаться отъ всѣхъ польскихъ странъ, населенія которыхъ не хотятъ быть нѣмецкими? Согласны ли они отказаться отъ своего такъ называемаго историческаго права на часть Богеміи, которую

до сихъ поръ не удалось германизировать, не смотря на прекрасныя, всѣмъ извѣстныя, историческія, іезуитскія и жестоко деспотическія средства, — на страны, обитаемыя моравами, силезцами и чехами, гдѣ ненависть, увы, совершенно справедливая, къ нѣмецкому владычеству, не можетъ подлежать сомнѣнію? Согласны ли они отречься, во имя справедливости и свободы, отъ честолюбивой политики Пруссіи, которая, во имя коммерческихъ и морскихъ интересовъ Германіи, хочетъ силою присоединить датское населеніе Шлезвига къ Сѣверному Германскому Союзу. Согласны ли они отказаться отъ своихъ притязаній, во имя тѣхъ же коммерческихъ и морскихъ интересовъ на городъ Тріестъ гораздо болѣе славянскій, нежели итальянскій, и гораздо болѣе итальянскій, нежели нѣмецкій. Однимъ словомъ, согласны ли они отречься отъ своей страны, какъ они этого требуютъ отъ другихъ, отъ всякой политики и признать для себя, какъ для другихъ, всѣ условія и всѣ обязанности налагаемыя свободой и справедливостью. Согласны ли они принять во всей ширинѣ и во всѣхъ примѣненіяхъ слѣдующія принципы — единственные, на которыхъ мо-

жетъ создаться международный мiръ и справедливость.

1) Уничтоженiе того, что называется историческимъ правомъ и политическою необходимостiю государства, во имя каждаго населенiя большого или малаго, слабаго или сильнаго, также какъ каждой отдѣльной личности, располагать собою съ полной свободой, независимо отъ потребности и притязанiй государства, и ограничивая эту свободу только равнымъ правомъ другихъ.

2) Уничтоженiе всякихъ вѣчныхъ контрактовъ между личностями и коллективными единицами — ассоцiацiями, областями, нацiями— иными словами, признанiе за каждымъ права; если онъ даже свободно связалъ себя съ другимъ лицомъ, уничтожить контрактъ, исполнивъ всѣ временныя и ограниченныя условiя, которыя онъ содержитъ. Право это основывается на принципѣ, составляющемъ необходимое условiе дѣйствительной свободы — что прошедшее не должно связывать настоящаго, а настоящее не можетъ связывать будущаго, и что неограниченное право принадлежитъ живущимъ поколѣнiямъ.

3) Признаніе для личностей, такъ же какъ и для ассоціацій, общинъ, провинцій и націй, права свободнаго удаленія изъ союзовъ съ единственнымъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы выходящая часть не поставила въ опасность свободу и независимость цѣлаго, отъ котораго отходитъ, своимъ союзомъ съ иностранной и враждебной державой. Вотъ истинныя, единственныя условія свободы и справедливости. Согласны ли они, наши нѣмецкіе друзья, признать ихъ такъ же искренно, какъ признаемъ ихъ мы? Однимъ словомъ, хотятъ ли они вмѣстѣ съ нами уничтоженія государства — всѣхъ государствъ?

Господа, въ этомъ заключается весь вопросъ. Государство это́ — насиліе, притѣсненіе, эксплоатація, несправедливость, возведенныя въ систему и сдѣлавшіяся краеугольнымъ камнемъ существованія всякаго общества. Государство никогда не имѣло и не можетъ имѣть нравственности. Его нравственность и его единственная справедливость есть высшій интересъ его самосохраненія и всемогущества — интересъ, передъ которымъ должно преклоняться все человѣчество. Государство есть полное отрицаніе человѣчества,

отрицаніе двойное — и какъ противоположность человѣческой свободы и справедливости, и какъ насильственное нарушеніе всеобщей солидарности человѣческаго рода. Всемірное государство, которое столько разъ пробовали создать, всегда оказывалось невозможнымъ; слѣдовательно, пока государство будетъ существовать, ихъ будетъ нѣсколько; а такъ какъ каждое изъ нихъ ставитъ себѣ единственной цѣлью, высшимъ закономъ, поддерживать свое существованіе въ ущербъ всѣмъ другимъ, то понятно, что самое существованіе государства подразумѣваетъ уже вѣчную войну — насильственное отрицаніе человѣчности. Всякое государство должно завоевывать или быть завоеваннымъ. Каждое государство основываетъ свое могущество на слабости, а если можетъ безъ вреда для себя, и на уничтоженіи другихъ державъ.

Съ нашей стороны, господа, было бы страннымъ противорѣчіемъ и смѣшной наивностью заявлять желаніе, какъ это было сдѣлано на теперешнемъ конгрессѣ, учредить международную справедливость, свободу и вѣчный миръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣть сохранить государство. Невозможно заставить государ-

ства измѣнить свою природу, ибо въ силу именно этой природы они государства, и, отказываясь отъ нея, они перестаютъ существовать. Слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть хорошаго, справедливаго и нравственнаго государства. Всѣ государства дурны въ томъ смыслѣ, что они по природѣ своей, т. е. по условіямъ цѣли своего существованія составляютъ діаметральную противоположность человѣческой справедливости, свободѣ и нравственности. И въ этомъ отношеніи, что бы ни говорили, нѣтъ большой разницы между дикой всероссійской имперіи и самымъ цивилизованнымъ государствомъ Европы. И знаете ли вы въ чемъ заключается это различіе? Царская имперія дѣлаетъ цинически то, что другіе совершаютъ подъ покровомъ лицемѣрія, и она составляетъ по своему открытому, деспотическому и презрительному отношенію къ человѣчеству тайный идеалъ, къ которому стремятся и которымъ восторгаются всѣ государственные люди Европы. Всѣ государства Европы дѣлаютъ то, что дѣлаетъ она, на сколько позволяетъ имъ это общественное мнѣніе и, главное, новая, но уже могущественная солидарность рабочихъ массъ, нося-

щая въ себѣ сѣмя разрушенія государствъ. Добродѣтельнымъ государствомъ можетъ быть только государство безсильное, да и оно преступно въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ.

Итакъ я прихожу къ такому заключенію: Тотъ кто желаетъ вмѣстѣ съ нами учрежденія свободы, справедливости и мира, кто хочетъ торжества человѣчества, кто хочетъ полнаго и совершеннаго освобожденія народныхъ массъ, долженъ желать вмѣстѣ съ нами разрушенія всѣхъ государствъ и основанія на ихъ развалинахъ всемірной федераціи производительныхъ свободныхъ ассоціацій всѣхъ странъ.

Мысль, выраженная въ концѣ этой рѣчи о томъ, что „нѣтъ большой разницы между дикой всероссійской имперіей и самымъ цивилизованнымъ государствомъ Европы“, была довольно распространена между русскими, особенно между соціалистами. Чернышевскій даже высказывалъ, что для „демократа“ Сибирь симпатичнѣе Англіи. Такимъ образомъ, всѣ культурные и политическіе оттѣнки евро-

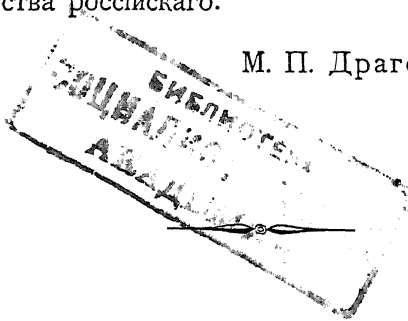
пейскихъ странъ и Россіи сглаживались въ представленіи русскаго, особенно радикала и соціалиста.

Такія понятія были одною изъ причинъ слабости либеральнаго движенія въ Россіи передъ абсолютизмомъ. Для русскихъ радикаловъ и соціалистовъ 60—70-хъ годовъ западно-европейская политическая свобода, не говоря уже о другихъ проявленіяхъ культуры, представлялась вещью малоцѣнною. Только къ 1880 г. пріобрѣтеніе политической свободы или по крайней мѣрѣ народнаго собранія выставляется цѣлью усилій русскихъ „террористовъ-народовольцевъ“, — параллельно современному либеральному земскому движенію, — но скоро и среди народовольцевъ мечта о „захватѣ власти“ съ цѣлью произвести соціальный переворотъ сверху*) — беретъ перевѣсъ надъ либеральными планами, — въ противность, конечно, ученіямъ Бакунина объ анархіи и соціальной революціи „снизу вверхъ“, но согласно съ его диктаторскими поползновеніями и конспираторскими привычками мысли и дѣйствій.

*) Мысль прокламаціи „Моладая Россія“ 1862 г.

Въ этихъ рѣчахъ еще нѣтъ провозглашенія чистой (абстрактной) анархіи или аморфизма, и Бакунинъ остается еще на почвѣ федеральной, по этому эти рѣчи его имѣютъ и практическое значеніе. Схематизмъ выразился здѣсь только въ крайней постановкѣ: или вся русская государственная централизація съ муравьевщиной, или полное разрушеніе государства россійскаго.

М. П. Драгомановъ.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

М. ГОРЬКІЙ
Л. Н. ТОЛСТОЙ
Н. ЩЕДРИНЪ

ТРИ

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ

САТИРЫ

Цѣна 1 м. 20 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

М. ГОРЬКІЙ.

ПРОТЕСТЪ ПРОТИВЪ ОБЩЕСТВА.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ПИСЬМА ПО ПОВОДУ КИШИНЕВА.

ВЛ. КОРОЛЕНКО.

ДОМЪ № 13.

Цѣна 1 м. 50 пф.